

3. Акельев, Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина / Е. В. Акельев. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 416 с.
4. Анисимов, Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. Анисимов. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 720 с.
5. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1968. – 368 с.
6. Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 2000. – 702 с.
7. Каменский, А. Б. Девиантное поведение в русском городе XVIII в. / А. Б. Каменский // Одиссей. Человек в истории. 2005. – М., 2005. – С. 367–392.
8. Каменский, А. Б. Городские хулиганы в России XVIII в. / А. Б. Каменский // Россия XXI. – 2002. – № 1. – С. 122–139.
9. Лавров, А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. / А. С. Лавров. – М. : Древлехранилище, 2000. – 574 с.
10. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дм. Буланин, 2003. – Т. 1–2.
11. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1. – СПб., 1830. – Т. 21–29.
12. Ролдугина, И. А. Опыт исследования в области социального дисциплинирования: Калининская комиссия и Калининский дом / И. А. Ролдугина // Новый взгляд. – 2007. – С. 24–29.
13. Смилянская, Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская. – М. : Индрик, 2003. – 464 с.
14. Смилянская, Е. Б. «Любовь твоя раны мне дает...» (чувства и страсти по следственным материалам XVIII в.) / Е. Б. Смилянская // Гендерный подход в антропологических дисциплинах. – СПб., 2001. – С. 26–40.
15. Центральные архивы Москвы : путеводитель по фондам / сост. И. Г. Тараканова и др. ; ред.: А. Д. Степанский [и др.]. – М. : Мосгорархив, 1999. Вып. 1–5.
16. Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года (ЦГАМ). – Ф. 50.
17. ЦГАМ. – Ф. 81.
18. ЦГАМ. – Ф. 91.
19. ЦГАМ. – Ф. 102.
20. ЦГАМ. – Ф. 105.

Луговцова С.Л.
УЕЗДНЫЕ СПИСКИ ДВОРЯНСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В результате трех разделов Речи Посполитой территория Беларуси вошла в состав Российской империи, руководство которой встало перед необходимостью определить правительственную политику по отношению к разным социальным слоям новых территорий. В первую очередь, это касалось дворянства, как группы, на которую традиционно опирались в Петербурге на вновь присоединенных землях. Основным методом учета населения в Российской империи в первой половине XIX в. были ревизии. Население Беларуси, и дворянство в том числе, было впервые учтено при проведении 5-й ревизии 1796 г. Г.Н. Тумилович отметила, что численность высшего сословия Беларуси по 5-й ревизии была явно занижена. В ходе ревизии не учитывались дворяне, имевшие крепостных, и дворяне-татары. Ещё более важным фактором недоучета дворянства на территории белорусских губерний являлся недоучет численности мелкой шляхты, что объяснялось, в первую очередь, нежеланием данной категории быть учтенной. Так как имевшие крепостных дворяне по пятой ревизии не учитывались, основная часть шляхты опасалась, что все зарегистрированные должны будут платить подати. Следует учитывать, что конец XVIII в. — это время вживания шляхты Великого Княжества Литовского в российскую действительность, когда её представителям трудно было предугадать по какому пути пойдет законодательство в отношении присоединенных земель [6, с. 93–94].

В Российской империи в XIX в. правительство стремилось контролировать численность дворянства западных губерний, его перемещения, возможность участия в дворянских выборах. Разные задачи требовали составления на местах списков разного содержания. В частности, каждое трехлетие составлялись списки помещиков, имевших право участвовать лично или через представителей в дворянских выборах и дворянских уездных собраниях. Законодательство о дворянских выборах менялось на протяжении первой половины XIX в. В соответствии с декабрьским указом 1831 г. право лично участвовать в собрании и в выборах предоставлялось каждому дворянину, внесенному в родословные книги губерний, и имевшему в ней недвижимость, если у него было не менее 3000 десятин незаселенной земли, а также чин не ниже 14-го класса. Приравнялись к этой категории лица, обладавшие более низким имущественным цензом, но имевшие звание не ниже полковника или действительного статского советника. Мелкопоместные дворяне, у которых было свыше 5, но менее 100 душ м. п. или от 150 до 3000 деся-

тин незаселенной земли, участвовали в выборах через своих представителей. При этом земельные владения, расположенные в разных уездах, могли при исчислении имущественного цеза слагаться [5, Т. 6, Ч. 2, № 4989]. Таким образом, в списки, составленные для выборов, включалась вся основная масс дворян-помещиков, за исключением лишь самых мелких, имевших менее 5 душ м. п. Уездные списки дворян были активно использованы П.Г. Козловским в ходе анализа эволюции помещичьего землевладения в Беларуси в первой половине XIX в. [1].

Кроме списков, составлявшихся с целью проведения дворянских выборов, уездные списки дворян составлялись и для других целей. Правительственные учреждения Санкт-Петербурга нуждались в информации о дворянстве бывшей Речи Посполитой, чтобы разобраться в сложном составе местной шляхты, выработать правительственные мероприятия по отношению к ней. В частности, в 1816 г. в связи с очередным витком политики «разбора шляхты» Сенат потребовал составить в уездах четыре ведомости: о шляхте, которая была утверждена в дворянском достоинстве губернскими дворянскими депутатскими собраниями и проживала на собственной земле; проживала на собственной земле, но не доказала свое происхождение; была утверждена в дворянском достоинстве, но проживала на арендованной земле или по заставному праву; не доказала свое происхождение и не имела собственной земли [3, л. 119].

В целом, степень достоверности сведений собранных неревизским путем весьма невелика. Хотя в 20-30-х гг. XIX в. в Российской империи наблюдалось стремление улучшить учет дворянского сословия, однако местные органы полиции использовали сведения, поступавшие от уездных предводителей дворянства. Последние часто относились к составлению списков весьма небрежно. В одних списках учитывались только дворяне, имевших крепостных, в других — даже те, кто имел фальшивые документы. Тем не менее, уездные списки представляют собой ценный материал для исследователей, так как включают сведения о материальном обеспечении и прохождении службы шляхтичами, роде их деятельности, возрасте дворян, составе семей, месте проживания, дате утверждения в дворянском достоинстве в губернском дворянском депутатском собрании, Герольдии Сената или причинах отказа в оном и т.п.

На наш взгляд, уездные списки могут быть использованы для проведения исследований историко-демографического характера. В частности, автором был проанализирован список дворян Лидского уезда за 1835 г. (1963 человека обоего пола) [2, л. 1–86.]. На его основании были составлены следующие таблицы.

Таблица 1

Дворянство Лидского уезда по возрасту и половой принадлежности (1835 г.)

Возраст	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Женщины относительно мужчин
Абсолютные числа				В %			
0	9	6	3	0,5	0,6	0,3	50
1–4	230	108	122	11,7	10,3	13,4	113
5–9	213	101	112	10,9	9,6	12,3	111
10–14	233	127	106	11,9	12	11,6	83,5
15–19	196	94	102	10	9	11,2	108,5
20–29	315	164	151	16	15,6	16,5	92
30–39	293	154	139	14,9	14,6	15,2	90,3
40–49	215	130	85	11	12,4	9,3	65,4
50–59	139	86	53	7	8,2	5,8	61,6
60–69	75	48	27	3,8	4,6	3	56,3
70–79	34	25	9	1,7	2,4	1	36
80–	11	7	4	0,6	0,7	0,4	57,1
Всего	1963	1050	913	100	100	100	87

В представленных данных обращает внимание уменьшение численности мужчин (на 27 %) и ещё более значительное женщин (на 38 %) в возрасте 40–49 лет по сравнению с предыдущей возрастной группой, а также соотношение полов в разных возрастных группах. В возрасте 10–14 лет девочек на 26 % меньше, чем мальчиков. Начиная с 20-летнего возраста, диспропорция в

соотношении полов в пользу мальчиков наблюдается во всех возрастных группах, достигая своего пика в возрасте 70–79 лет. Выявленный феномен ждет дальнейшего изучения и объяснения исследователями.

Таблица 2

**Состав дворянства Лидского уезда
в соответствии с брачным состоянием, 1835 г.**

Возраст	Мужчины				Женщины			
	Всего	Гражданское состояние			Всего	Гражданское состояние		
		холостые	женатые	вдовцы		не замужем	замужние	вдовы
15–19	94	94	–	–	102	91	11	–
20–24	83	71	12	–	71	42	29	–
25–29	81	61	18	2	80	18	60	2
30–39	154	72	73	9	139	21	110	8
40–49	130	41	81	8	85	11	59	15
50–59	86	19	59	8	53	7	26	20
60–69	48	8	29	11	27	4	8	15
70–79	25	3	11	11	9	2	2	5
80–89	7	–	4	3	4	1	–	3
Всего	708	369	287	52	570	197	305	68

В табл. 2 привлекает внимание значительная численность холостых мужчин и незамужних женщин в разных возрастных группах. Среди мужчин в возрасте 20–29 лет 80,5 % были холостыми, среди женщин этой возрастной группы 39,7 % не вышли замуж. Даже в возрастной группе от 30 до 39 лет холостые мужчины составляли 46,8 %, незамужние женщины — 15,1 %. Высокий процент холостых мужчин сохранялся и в старших возрастных группах.

Анализируя содержание списка Лидской шляхты за 1835 г. можно выделить следующие тенденции: для обеспеченных дворян характерно более позднее вступление в брак и один-два ребенка в семье. Раннее, по сравнению с указанным выше возрастом, заключение браков и большая численность детей в семье характеризуют жизнедеятельность шляхтичей, непосредственно занимавшихся сельскохозяйственным трудом. Самые ранние по возрасту из обнаруженных нами браков были заключены в семье дворян Михайловских и Шалевичей. Жене Адольфа Михайловского (32 года) Антонине было 17 лет, при этом их сыну Мечиславу уже исполнилось два года. Шалевичу Фоме было 23 года, а его жене 15 лет. Родному брату Фомы Иосифу было 22 года, его жене 14 лет.

Мужчины-вдовцы часто вступали во второй брак, значительно реже аналогичное явление наблюдалось среди вдов. Для вторых браков характерна более значительная разница в возрасте между мужем и женой, а также разница в возрасте детей от первого и второго браков. Например, второй жене Иосиф Ельца (59 лет) Марианне было 40 лет, второй жене Иосифа Войсята (40 лет) Антонине было 23 года, второй жене Леона Шульца (62 года) было 25 лет. Обратим внимание также на весьма почтенный возраст «молодых» отцов. Например, младшей дочери Матвея Малевского (80 лет) Устине было 3 года, а младшей дочери Юрия Наркевича (80 лет) Анне 5 лет.

Таблица 3

Семейные хозяйства дворянства Лидского уезда, 1835 г.

Типы семейных хозяйств	Одно поколение	Два поколения	Три поколения	Всего хозяйств	Всего, в %
1. Хозяйство одинокого человека	139	–	–	139	28,5
2. Несемейное хозяйство (без брачной пары)	16	–	–	16	3,3
3. Простая (нуклеарная) семья	21	195	–	216	44,2
4. Расширенная семья	14	43	5	62	12,7
5. Сложная семья	2	25	28	55	11,3
Всего	192	263	33	488	100

Табл. 3 включает 488 самостоятельных домохозяйств, всего в рассматриваемом списке дворян Лидского уезда 1963 человек. Таким образом, в среднем семья состояла из 4 человек. В монографии В. Носевича проанализировано 109 дворов мелкой шляхты униатского и католического вероисповедания за 1834 г., проживавших на территории приходов Узденского костела и Слободо-Пырашевской церкви Минской губернии. Средний состав семьи по данной выборке составил 4,3 человека. В среде мелкой шляхты Минской губернии нуклеарные семьи составляли 50,5 %, одновременно значительно выше, чем у лидских дворян, был процент сложных многосемейных хозяйств (34,9 %) и практически отсутствовали одиночки [4].

Таким образом, анализ демографических параметров и структуры семейных хозяйств дворян Лидского уезда за 1835 г. позволяет сделать следующие выводы: наблюдается дисбаланс в соотношении полов в пользу мужчин по данным во всех возрастных группах, начиная с 20-летнего возраста; численность и мужчин и женщин значительно уменьшается по данным, начиная с возрастной группы 40–49 лет; состав дворянства Лидского уезда характеризуется очень высокими показателями холостых мужчин и незамужних женщин во всех возрастных группах: среди мужчин в возрасте 20–29 лет 80,5 % были холостыми, среди женщин этой возрастной группы 39,7 % не вышли замуж; в структуре семейных хозяйств Лидского дворянства самым распространенным типом была простая нуклеарная семья (44,2 %), состоявшая из двух поколений; количество хозяйств одиночек (28,5 %) превышало общую численность расширенных (12,7 %), сложных (11,3 %) семей и хозяйств без образования брачной пары (3,3 %).

1. Козловский, П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в. / П. Г. Козловский. – Минск : Наука и техника, 1982. – 204 с.

2. Литовский государственный исторический архив. – Ф. 391. Оп. 9. Д. 129.

3. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2066. Оп. 1. Д. 14.

4. Носевич, В. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В. Носевич. – Минск, 2004. – Режим доступа: http://www.vln.by/book-village/part3_5.htm – Дата доступа: 06.03.2015.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: В 55 т. СПб. : Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830–1884.

6. Тумилович, Г. Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук / Г. Н. Тумилович. – Минск, 1995. – 165 с.

Алентьева Т.В.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ РИЧАРДА ХИЛДРЕТА «БЕЛЫЙ РАБ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

До сих пор в исторической науке не утихают споры по поводу художественной литературы как исторического источника. И хотя на страницах ведущих российских академических журналов признание правомерности ее использования, можно сказать, состоялось, все же остается немало исследователей, скептически относящихся к произведениям художественного творчества. Тем не менее следует признать как аксиому, что для историка источником, свидетельствующим о жизни людей в определенную историческую эпоху, может служить любой текст, относящийся к этому прошлому.

Произведения художественной литературы являются наиболее доступными источниками, рассказывающими о самых разных сторонах жизни людей [5, 7]. В художественной литературе нашли отражение не только происходившие события, но и их оценка писателем, заключенная в прямой речи автора или выраженная через отношение к ним литературных героев. В романах и повестях дается картина политической, общественной и частной жизни, система социальной иерархии и взаимоотношений, описание природной среды и хозяйствования, деталей быта, правил поведения. В них отражается идеологическая атмосфера, господствующая система ценностей и отношение к ней, нравственные критерии и духовные ориентиры [3, с. 249-250]. Эти преимущества художественной литературы как исторического источника можно проиллюстрировать на примере романа американского историка и писателя-романтика Ричарда Хилдрета «Белый раб».

Ричард Хилдрет (1807–1865) достаточно хорошо известен российским литературоведам как автор одного из первых аболиционистских романов, о чем свидетельствует краткий биографический очерк в многотомной истории литературы США [4, с. 346–353]. Работы этого автора по истории, философии, политике и праву, а также его нашумевший в свое время роман «Белый раб» неоднократно переиздавались в США и при жизни писателя, и в наше время. Тем не ме-